Из военного дневника

СНОВА В БОЙ...

Серо ХАНЗАДЯН

ИМА. Январь. Сорок третий год мы оставили на берегу Волхова. Год, полный крови, могил. На могилах осел тяжелый снег. Они останутся безвестными. На многих из них мы не успели оставить надписей. И наши могилы, возможно, останутся безвестными. А может быть, и могил у нас не будет.

Возле села Подберезье наш полк пойдет в атаку. Это направление нашего прорыва. Как раз напротив села мой наблюдательный пункт — на дереве. А от села-то ничего не осталось. Только две торчащие кирпичные трубы.

Стоят морозы. Стволы лип трещат. Но мы одеты тепло, нам не холодно. Да еще мы подкрепились ста граммами. Свою долю водки и махорки Иван Филиппов отдал мне и Саше Карпову. Саша говорит:

— Будем молить бога, чтобы Иван всегда был жив.

Откуда знать, кому умереть. Не надейся солдат уцелеть — с ума сойдет. Каждому кажется, что пуля пролетит мимо. В окопе появляется сестра Шура.

— У всех есть медпакеты?

— У меня нет, — упорно глядит на нее Саша. — Мою рану не перевяжешь.

— Почему? — удивляется Шура.

— Исцелит ее только твой поцелуй.

Шура смеется.

— Ты, конечно, красивый, Саша. Но у меня свой «объект». — Она уходит. Я смотрю ей вслед. Только бы осталась жива Шура, наша Шура.

Возле нас замаскирован тяжелый танк. [illegible] ды. Значит он подбил три немецких танка. Но где?

— В битве под Синявино, — объясняет танкист. — Почему так скоро ушла ваша Шура?

— А что? — ревниво спрашивает Саша. — Приглянулась?

Начинается артиллерийская подготовка. Наша артиллерия громит позиции врага, крушит, разбивает, разносит все. Удар сокрушительный.

...Мы спокойно покуриваем. Артиллерийская подготовка продолжалась два с половиной часа. Совсем оглохли.

Вот и сигнал. Трехзвездный танк сорвался с места. Разбрасывая комья снега и осколки льда, он двинулся... За ним пошла пехота. В надежде занять новые позиции двинулись и мы, минометчики.

Противник открыл артиллерийский, минометный и пулеметный огонь. Какой-то шестиствольный «И-а», «ишак»*) заревел грозно. «И-а-а». Знакомый, смертоносный рев. Но мы все идем.

Вот и первая линия немецкой обороны. Там какой-то шум. Штыковой бой, что ли? Вероятно. Все же остались очаги смерти, они косят наступающих. Косят! Я открыл минометный огонь. Если и не удастся их уничтожить, то хоть оглушу и проложу путь нашей пехоте.

Вокруг много трупов. Раненые ползут назад, окрашивая снег. Впереди ужасный грохот. Танки на ходу сталкиваются лбами, таранят друг друга. Я этого не вижу, но чувствую, слышу лязг стали.

Когда вслед за пехотой продвинулся вперед, заметил наш трехзвездный танк. Он сгорел. Танкист пытался выйти из огня, но не успел. Он обгорел, обуглился. Я вспомнил его невинный интерес к нашей Шуре. Где Шура? Пришла бы взглянуть, как сгорело еще одно тоскующее по ней сердце.

* * *

Целый день стоим на месте. Мне приказывают вести огонь по западным подступам к селу Подберезье.

— Село в наших руках, — передают по телефону. — Надо заглушить контратаку противника.

Спустя часа два новый приказ:

— Бей по селу. Противник там.

Мы тронулись снова. Только утром следующего дня мы взяли Подберезье. Но села нет. Оно существовало лишь на карте. За день и ночь село шесть раз переходило из рук в руки. Шесть раз. Перед глазами все время сгоревший танк, обуглившийся танкист.

Но вот другой сожженный труп в снегу. Уцелели только сапоги. Маленькие, девичьи. Боже мой, неужели Шура?

У меня шевелятся волосы. Мой ординарец Полтурный выкапывает из снега ее блузку. На блузке орден Красной Звезды и «КИМ».

Под одной из уцелевших труб вырыли яму. На кирпичной стене написали ее имя и фамилию. «Помните, люди, немцы заживо сожгли эту белую лилию. Помните, люди».

* * *

Сожжена и эта деревня. Ни души. С порога полусгоревшего дома выскочила одичавшая кошка. Сгорело все — пшеница, дома, Шура, танкист, даже земля. Шура! Что же еще осталось, что?

Слышу какую-то песню. Кто поет? Иду в ту сторону. Это Ншхан Давтян. Завяз в снегу, обхватил руками колени и распевает:

— Камениста земля Керчи...

Свистят безжалостные пули...

Я крикнул:

— Ты что, Ншхан! — Он с ужасом подскочил. Видимо, вид у меня был страшный.

— Спятил? Что ты там распеваешь?

— Эту песню я слышал от солдата, побывавшего в боях на Керченском полуострове.

* * *

В конце января мы уже возле Луги. Из моих солдат полегло восемнадцать человек.

Железная дорога проходит через болото. Мы по одну сторону высокой насыпи, по другую — враг. Как только высовываем голову, бьют. Но стоит высунуться им, бьем мы.

Лейтенант решил одним прыжком перевести роту на другую сторону пути. Чтобы помочь ему, мы усилили минометный огонь. Он вскочил раньше своих солдат и побежал вверх по насыпи. Но не успел еще достичь вершины, как вскинув руки, упал на спину и скатился вниз.

...Мы шли к реке Нарве. Мороз и не чувствуется. Что за божественное чувство быть победителем. Враг бежит. Тот, кто хотел уморить с голоду Ленинград, кто разорил эти села, кто сжег Шуру. Убегает смерть, зло, бесчеловечность.

Вечером располагаемся в немецких блиндажах. Уходили наспех. Землянки сухие, удобные, с кирпичными печами. У них есть даже постели: опять нечто новое, о чем мы забыли давно. По всему видно, что гитлеровцы в полевых условиях ни в чем не терпели нужды. Оно и понятно, всю Европу зажали в кулак.

Иногда идем и ночью. Стараемся не выпустить из рук хвост отступающего врага, не дать ему укрепиться на новых рубежах. Он сопротивлялся бешено. Даже небольшие части мешали нашему продвижению, завязывали бой.

На подступах к Луге крупные силы немцев перешли в контрнаступление. Мы были вынуждены обороняться. Завязался тяжелый бой.

Стало известно, что наш полк попал в окружение. Шли слухи, что знамя полка в руках врага. Это большое бесчестье. Командир полка пришел к нам.

— Что думаете, братцы?

Он взволнован, взбешен. В руках автомат, на поясе гранаты. Я его знал хорошо. Храбрый человек, опытный воин. Я никогда не видел его смущенным, а сейчас он совершенно растерян. Состояние его заместителя по политчасти майора Ерина тоже незавидное. Как же иначе? Подразделение, потерявшее знамя, немедленно расформировывается. Название полка вычеркивается из списков. А ведь наш полк вел столько боев, выполнял труднейшие задания.

Я выстроил своих пятьдесят восемь бойцов и представил командиру полка.

— Мы готовы идти на смерть, товарищ полковник. Приказывайте!

Еще сто человек, бывших недалеко от нас, окружили полковника. После пятиминутного совещания полковник повел нас в том направлении, где должна была находиться захваченная врагом часть полка.

Зима, снег, мгла. Грохот ночного боя. Мы стреляли, бросали гранаты и, по колено в снегу, шли навстречу смерти. К нам присоединились тяжелый танк и бронемашина. Они проторяли для нас дорогу. Вскоре показалась ветряная мельница с обломанными крыльями. Командир полка сказал, что знамя вместе со штабом было там, в этой мельнице. Подошли еще ближе. Справа и слева мельницы начали стрелять в нас. Мы продвигались ползком. Трудно, но двигались.

Вслед за танком подошли к мельнице. Немцы, окружавшие мельницу, перебиты или бежали.

В ветряке возле пулемета лежал начальник штаба нашего полка. Вместе с ним уцелело шесть человек. Многие убиты и лежат тут же. Командир полка трясет за плечи начальника штаба.

— Где знамя?

— Знамя? — ошеломленный неожиданной помощью спросил начальник штаба. — Знамя с нами. Вот оно.

Командир полка обнял знамя.

— А штабу дивизии донесли, что оно захвачено.

— Кто донес? — Начальник штаба вскочил с места. — Как это? Кому это взбрело в голову?

Только на рассвете удалось доложить штабу дивизии, что знамя у нас.

Из штаба передали, что о потере знамени сообщено даже в Ставку. Я усмехнулся. Когда же они успели? Командира нашего полка и начальника штаба тотчас же отозвали. Я сожалел о полковнике. Он невиновен. Был воином по призванию и мы [illegible].

К полудню догнал нас новый командир полка. Ему за сорок, сутулый, с кривыми ногами кавалериста, с узкими глазами, слегка плешивый, в звании подполковника. На ходу познакомился с нами.

— Значит, будем воевать вместе.

— Вместе, — ответил я.

* * *

Сани мягко скользят по дороге. Снег слегка растоптан. На нем следы немецких автомобилей и мотоциклов, — словно вышивка. Неприятель снова оторвался от нас.

— Возьми вправо! — доносится из задних рядов.

Берем вправо. Видимо, на дороге показался большой командир.

К нам приближаются сани. Узнаю сидящего там командира нашего полка и тотчас же спрыгиваю с саней. Сходит также подполковник. Докладываю:

— Вверенная вам минометная батарея по вашему приказу выполняет боевое задание.

Он улыбается и пожимает мне руку.

Вечером, когда мы стали на ночлег и рыли ямки для костров, меня позвали к командиру полка.

Для подполковника разбита палатка. Какая-то девушка варит чай на походной печке. В палатке я застал подполковника, девушку и майора Ерина с вечной улыбкой на лице. Представился командиру полка, он пригласил меня присесть.

— Я хочу вас назначить начальником артиллерии полка. Что скажете?

Это полная для меня неожиданность. Как и зачем я должен бросить моих минометчиков? Командир полка пристально посмотрел на меня.

— Ну?

— Я, товарищ подполковник, отказываюсь.

Подполковник [illegible] не обращая на меня внимания, продиктовал приказ о назначении меня начальником артиллерии полка.

Я остался в штабе. Впереди снова бои...

---

*) Так называли солдаты шестиствольный немецкий миномет.